

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-71-179-190>

УДК 821.161.1

ББК 83.3(3)

Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2024 г. В.С. Ковалева
г. Смоленск, Россия

© 2024 г. О.Е. Похаленков
г. Калуга, Россия

**МОТИВ ЛЮБВИ В ФРЕЙМОВОЙ СТРУКТУРЕ КОНЦЕПТА ВРАГ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ Ю.В. БОНДАРЕВА «БЕРЕГ»
И Х.Г. КОНЗАЛИКА «ШТРАФНОЙ БАТАЛЬОН 999»)**

Аннотация: Целью представленной статьи является компаративистский анализ разноязычной военной прозы посредством выделения мотива любви в фреймовой структуре концепта враг. Актуальность и научная новизна обусловлена тем, что сравнительный анализ осуществляется на примере текстов произведений двух литератур: Ю.В. Бондарева «Берег» и Х.Г. Конзалика «Штрафной батальон 999» и самой темой — Второй мировой войной. Авторы отталкиваются от определения отечественных ученых (Д.С. Лихачев), которые рассматривали концепт как многоуровневое образование, в структуре которого выделяется несколько слоев. Исходя из положения, что в художественном произведении фреймы представляют собой комплекс фабульных (повествовательных) мотивов, авторами рассмотрена реализация мотива любви на уровне мотивной системы и системы персонажей. В представленной работе особое внимание уделяется ассоциативному и образному слоям концепта. Подобный интегральный подход позволил выявить и объяснить типологические схождения в реализации мотива любви в фреймовой структуре концепта враг, которые наблюдаются вне зависимости от принадлежности к той или иной национальной литературе. Было обнаружено, что отсутствие военной опасности приводит персонажей к взаимной человеческой симпатии между представителями враждующих сторон, однако официальная идеология становится препятствием для общего будущего персонажей.

Ключевые слова: Ю. Бондарев, Х.Г. Конзалик, мотивно-фреймовая структура, концепт, мотив любви, ассоциативный и образный слои концепта, фрейм-сценарий.

Информация об авторах:

Валентина Сергеевна Ковалева — кандидат филологических наук, доцент, Смоленский государственный университет, ул. Пржевальского, д. 4, 214000 г. Смоленск, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2643-0549>

E-mail: vaseko58@mail.ru

Олег Евгеньевич Похаленков — доктор филологических наук, доцент, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, ул. Степана Разина, д. 26, 248023 г. Калуга, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1573-2728>

E-mail: olegpokhalenkov@rambler.ru

Дата поступления статьи: 17.06.2023

Дата одобрения рецензентами: 13.11.2023

Дата публикации: 25.03.2024

Для цитирования: Ковалева В.С., Похаленков О.Е. Мотив любви в фреймовой структуре концепта враг (на материале романов Ю.В. Бондарева «Берег» и Х.Г. Конзалика «Штрафной батальон») // Вестник славянских культур. 2024. Т. 71. С. 179–190. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-71-179-190>

События Второй мировой войны и ее оценки вот уже несколько десятилетий занимают особое место в национальных европейских литературах. С одной стороны, обращение к этой теме писателей из большинства стран, которые прошли через горнило военных испытаний, продиктовано воспоминаниями, которые связаны с исторической памятью народа о трагических событиях, сопровождавших борьбу с нацистскими захватчиками. С другой, писатели, обращавшиеся к трактовке этих событий в разные послевоенные периоды, вольно или невольно вынуждены были учитывать множество официальных нюансов их оценки. Чаще всего камнем преткновения при издании произведений о войне становилась авторская интерпретация включенных в повествование образов и мотивов, если она шла вразрез с официально принятой в стране (см., например: [12, 16, 21, 25 и др.]).

Говоря о прозе, посвященной Второй мировой войне, нельзя не учитывать тот факт, что полярные точки зрения на эти события и на все, что с ними связано, до сих пор существуют и обсуждаются в разных странах, прежде всего, в стране капитулировавшей — Германии — и в стране, одержавшей победу над фашизмом, — России. И если на территории бывшего СССР нацизм безоговорочно осуждался и осуждается, то реваншистские настроения, появившиеся в ФРГ сразу после окончания войны, быстро стали давать ростки. Обращаясь к послевоенной истории Германии, скажем, что официальное отношение в стране к произошедшим событиям с течением времени менялось в зависимости от идеологии, которой придерживались власти. Особенно это стало заметно в начале 1950-х — конце 1960-х годов, когда большая часть западных немцев склонялась к тому, что национал-социализм был не такой уж плохой идеей, но бездарно реализованной (см. подроб.: [17]). Именно в этот период выходит в свет роман Х.Г. Конзалика «Сталинградский врач» («Die Arz von Stalingrad», 1956), который стал бестселлером и четко обозначил позицию автора, отражавшую мнение большинства его соотечественников: немцы виноваты, но приказ есть приказ, и у многих воевавших просто не было выбора. Тема Восточного похода становится основной и в последующих произведениях автора: «Они упали с небес» (1958 г.), «Штрафной батальон 999» (1960 г.), «Сердце 6 армии» (1968 г.), «Их было десять» (1979 г.), «Янтарная комната» (1986 г.).

Нейтральная оценка роли немцев, участвовавших во Второй мировой войне, просматривается у Конзалика на всех уровнях текста. Нельзя не обратить внимания и на реализацию мотива любви между представителями враждующих сторон, что было несвойственно русской, в то время советской, литературе 1950–1960-х гг. о Второй мировой войне. Справедливости ради не следует полностью отрицать, что советскими писателями не осуществлялось попыток обратиться к этому непростому для литературы социалистического реализма, исповедовавшей настороженное отношение к вра-

гам Отечества, мотиву¹. В 1975 г. увидел свет роман отечественного военного прозаика Ю.В. Бондарева «Берег», одним из ведущих мотивов которого — любовь между представителями враждующих сторон. Обращение Бондарева к подобному сюжету можно объяснить, видимо, тем, что в 70-е гг. XX в. начинается борьба за разрядку напряженности и поиски путей мирного сосуществования двух систем — западной и советской. Очевидно, роман должен был внести свою лепту в этот процесс². Критика заострила внимание на многозначности названия произведения, придав ему идеологическое звучание: на одном берегу советские люди, на другом — представители западного мира, те и другие со своими ценностями; на одном берегу события войны, на другом — настоящее для героев романа время. И эти два берега в романе и идеологически, и во временном плане то отталкиваются, то сближаются (см. подроб.: [7, 9–10, 14, 20 и др.]).

Рассмотрим реализацию мотива любви между представителями враждующих сторон в сравнительном аспекте в названных произведениях — романе Х.Г. Конзалика «Штрафной батальон 999» (1960 г.) и романе Ю.В. Бондарева «Берег» (1975 г.).

В представленной работе мотив любви анализируется в рамках мотивно-фреймовой структуры концепта враг, на уровне фреймов-сценариев, формирующих художественный мир произведений. В своем исследовании авторы опираются на определение концепта, предложенное отечественными исследователями (см. подроб.: [1–2, 8, 11]). Концепт, согласно Д.С. Лихачеву, не возникает из значений слов, а является результатом столкновения усвоенного значения с личным жизненным опытом говорящего. Он в этом плане выполняет заместительную функцию в языковом общении [1]. Н.Н. Болдырев считает, что «концепты представляют собой те идеальные, абстрактные единицы, которыми человек оперирует в процессе мышления. Они отражают содержание полученных знаний, опыта, результатов всей деятельности человека и результаты познания им окружающего мира в виде конкретных единиц, “квантов” знания» [2, с. 23–24]. В определенной степени можно утверждать, что человек мыслит концептами; анализируя, сравнивая и соединяя разные концепты в процессе мыслительной деятельности, он формирует новые концепты как результаты мышления. Передача какой-либо информации и процесс общения в целом также представляют собой передачу и обмен концептами в вербальной или невербальной форме, их формирование или активацию в сознании собеседника. Таким образом, концептуализация — это осмысление поступающей информации, мысленное конструирование предметов и явлений, которое приводит к образованию определенных представлений о мире в виде концептов (т. е. сформированных в сознании человека единиц знания), например: концепт дома, времени, пространства, вечности, движения и т. д. Другими словами, «концепт — это единица осмысленного (осознанного) знания о предмете или событии, их отдельных свойствах, характеристиках, взаимосвязях с другими предметами и событиями, которой оперирует человек в процессе речемыслительной деятельности» [2, с. 48]. Данное утверждение значимо для нашей работы в том смысле, что между автором и читателем происходит своеобразный процесс общения, передачи информации, при этом автор формирует или активизирует определенные концепты в сознании читателя.

¹К подобному сюжету обращался, например, Б. Лавренев в повести «Сорок первый», написанной в 1924 г. и посвященной событиям Гражданской войны в России.

²Стоит отметить, что Ю. Бондарев с 1971 г. был большим литературным начальником, что давало ему возможность активно публиковаться: первым зам. председателя правления СП РСФСР, входил в состав редколлегии многих литературных журналов, возглавлял различные общественные организации и т. д. Тем не менее, публикация столь неоднозначного произведения даже ему далась нелегко.

Также особого внимания заслуживают фреймы-сценарии, структурирующие художественный мир произведений. Определение понятия «фрейм» занимало и продолжает занимать умы как отечественных, так и зарубежных исследователей [4–5, 22, 24 и др.]. Понятие «фрейм» в науку ввел М. Минский в работе «Фреймы для представления знаний» [13]. Далее этот вопрос, с лингвистической точки зрения, прорабатывался в исследовании «Фреймы и семантика понимания» [18]. Позднее другие исследователи, например, О.А. Жарина предложила рассматривать фрейм в качестве иерархически выстраивающихся ассоциаций, представляющих собой «уровни, наполненные неограниченным количеством слотов: ядро, центральный (базовый) уровень, периферия. <...> фрейм является минимальной единицей, используемой для характеристики любого объекта материального мира» [6]. В настоящее время все более популярным становится анализ текста посредством выделения фреймо-слотной структуры концепта. Дж. Андор считает фрейм лингвистически ориентированным концептом, обеспечивающим языковую реализацию знаний, содержащихся в сценах и сценариях [21].

Для нашего исследования мы используем базовое значение фрейма-сценария, заключающееся в последовательности нескольких эпизодов во времени, в наличии стереотипных эпизодов с признаком движения, развития. Иными словами, фреймы разворачиваются во времени и пространстве как последовательность отдельных эпизодов, этапов, элементов (например, посещение кино, поликлиники, поездка в другой город, выход в ресторан, драка, игра, экскурсия) [15, с. 119]. Так как наше исследование проводится на стыке двух наук — литературоведения и лингвистики, то при анализе концепта мы использовали термин фрейм, поскольку именно фрейм репрезентирует концепт. Для анализа же повествовательной структуры произведения мы обращаемся к мотиву. В художественном произведении фреймы представляют собой комплекс фабульных (повествовательных) мотивов.

Перейдем к анализу романа «Штрафной батальон 999». Система персонажей романа Конзалика необычна, так как в центре повествования оказываются не те немцы, которые являются приверженцами нацистской идеологии, а солдаты штрафного батальона, отправленные в Восточный поход по принуждению. Штрафной батальон отличается от типичного воинского подразделения: здесь нет сословных различий и армейской иерархии званий. Рядовыми оказываются бывшие офицеры: полковник Бартлиц, не выполнивший преступный, по его мнению, приказ; подполковник Ремберг, майор запаса Путкамер, обер-лейтенант Штубниц, подвергшиеся доносу за нелояльное отношение к нацистской диктатуре; писатель, книги которого оказались в списках Геббельса; лица, пытавшиеся уклониться от исполнения воинской обязанности, бывшие члены НСДАП, попавшие под подозрение; и разного рода маргиналы (гомосексуалисты, сутенеры, наркоманы, уголовники). Среди солдат штрафного батальона есть и представители интеллигенции — профессор-микробиолог Эрнст Дойчман, проводивший на себе испытание новой вакцины и по этой причине заподозренный в членовредительстве и подвергшийся осуждению за якобы уклонение от службы; адвокат Райнер — узник концлагеря Дахау, направленный в порядке помилования в штрафной батальон. Основанием для направления в штрафной батальон является и нарушение воинской дисциплины, свидетельством чему становится история кавалера Железного креста 1-й степени ефрейтора Эриха Видека, опоздавшего к месту службы из отпуска.

Конзалик называет штрафников изгоями, которых все должны чураться, словно прокаженных, уголовными преступниками, пригнанными сюда, чтобы выжать из них максимум полезного, а потом поступить как с отработанным материалом: «Они были

изгоями <...> уголовными преступниками, которым вместо формы полагались чуть ли не лохмотья <...> а потом поступить с ними, как с отработанным материалом» [27]. У них больше нет прошлого. Все они рядовые штрафбата. Для прибывшего в батальон обер-лейтенанта Беферна штрафники даже не солдаты, они — недочеловеки.

Фрейм-сценарий «встреча с врагом»³ особенно важен для репрезентации концепта враг и, соответственно, для нашего исследования. Во-первых, сюжет романа развивается на вражеской для немцев территории в ситуации отступления и эпизоды встречи с врагом неминуемы. Во-вторых, у Конзалика этот фрейм-сценарий включает сразу несколько развертываемых в художественном пространстве произведения мотивов: ненависти, злобы, побега, убийства. Все они вполне логично соотносятся с концептом враг и органично вписываются в него.

В рамках фрейма-сценария «встреча с врагом» идет реализация и мотива любви, который имеет в романе сложное построение и содержит в себе ряд микромотивов: привязанность к Родине, верность друзьям, влечение к возлюбленному. Первоначально образ партизанки Татьяны четко соотносится с архетипичным образом русской женщины, что подчеркивается Конзаликом сравнением с образом с русской иконы: *«Татьяна Сосновская же будто сошла с иконы какого-нибудь древнерусского мастера. Воронова крыла волосы были гладко зачесаны назад, чуть выступавшие скулы и большие темные глаза на узком лице придавали девушке загадочность бескрайних российских далей. На ней была шерстяная кофта, подчеркивавшая округлость форм груди, и толстые ватные штаны, заправленные в мягкие юфтевые сапожки»* [27].

Красота героини также подчеркивается автором и с помощью оценок других персонажей. Например, в одном из разговоров старший лейтенант Деньков, влюбленный в Татьяну, говорит о ее красоте и невольно указывает на дальнейшее трагическое развитие сюжета: *«Он посмотрел прямо в большие карие глаза. Смеркалось, в сгущавшейся темноте хаты белели очертания ее узкого личика. — Красивая ты, — повторил он. — Тебе придется от них отбиваться...»* [27].

Стоит отметить, что изначально Конзаликом акцентируется тот факт, что для Татьяны образ немца ассоциировался исключительно с захватчиком, и на ассоциативном уровне она испытывала к врагам только ненависть: *«— Сережа! Если бы ты знал, как я их ненавижу! — Но они-то — как раз наоборот. — Никогда! Не бывает этому»* [27]. В приведенном диалоге автор указывает, что партизанка Татьяна даже не может представить ситуацию, в которой ее ненависть перерастет в любовь.

Но все же, согласно развитию сюжета, между Татьяной и одним из солдат штрафбатальона развиваются любовные отношения. Конзалик трансформирует этот мотив согласно выбранной ранее линии повествования: вместо обоюдного чувства автор раскрывает мотив любви неожиданным образом — красивая русская партизанка Татьяна соблазняет «бедного» и женатого немецкого солдата. Отметим, что макромотив любви проходит полную трансформацию через все микромотивы: привязанности к Родине, верности друзьям, влечению к возлюбленному: *«— Я люблю тебя... Люблю! — страстно шептала она. — Люблю больше жизни, ты самый дорогой для меня человек, ты мне дороже России, дороже матери, отца, дороже всех, всех, всех... Не знаю, что со мной творится, не понимаю... Но я так, так люблю тебя!»* [27].

Примечательно подчеркивание Конзаликом того, что герой не отвечает девушке взаимностью, а скорее находится в состоянии аффекта, так как для немецкого солдата

³Фрейм-сценарий «встреча с врагом» нами уже рассматривался при анализе произведений других военных прозаиков (см. подроб.: [16])

не могло быть общего будущего с русской партизанкой: *«Дойчман, пораженный этим всплеском чувств, не в силах был вымолвить ни слова, а Таня продолжала говорить, она рассказывала ему о том, что она словно перенеслась в будущее, в котором места не было ни ей, ни ему, да и не могло быть: в чем в чем, но в этом Дойчман не сомневался ни на минуту»* [27].

Образ немецкого солдата на ассоциативном уровне концепта стал ассоциироваться у девушки с образом чего-то близкого, прежде всего Родины. Так в сознании Татьяны произошло замещение: образ немецкого солдата-убийцы трансформировался в образ возлюбленного: *«— Когда кончится война, мы будем жить, Михаил, я пойду за тобой куда угодно... Да, я люблю свою Родину, но теперь моей Родиной стал ты, ты стал для меня всем на свете, всем на свете...»* [27].

Несомненно, подобное авторское решение продиктовано желанием писателя указать, что и по другую сторону фронта — среди русских — могли быть подобные ситуации. И сознательный выбор девушкой Дойчмана был связан исключительно с романтическими чувствами и восхищением его человеческими качествами, нравственными принципами и верностью врачебному долгу. Кстати, данный факт способствовал созданию в немецкой послевоенной литературе образа «доброего немца» (см. подроб.: [23]), которому чужда идеология нацизма.

На еще большем контрасте Конзалик показывает реакцию командира партизанского отряда Денькова, влюбленного в Татьяну и не ожидавшего подобного предательства: *«— Дело в том, что я пришел к Тане. Она — моя невеста. И вот я прихожу сюда и убеждаюсь, что эта верная мне девушка повела себя, как последняя сучка. Я с вами сражаюсь, а она...»*

Сергей не договорил. Голос его звучал бесстрастно, словно речь шла не о нем и его отношениях с Таней, а о чем-то совершенно обыденном. И, повернувшись к Тане, он прошипел ей по-русски: — Блядь!» [27].

В реализации рассматриваемого фрейма-сценария прослеживается трансформация мотива любви в мотив ненависти со стороны товарища по оружию: для Денькова Татьяна стала ассоциироваться с образом врага, и именно поэтому он без сожаления разрешает солдату из своего отряда расправиться с ней.

В романе Ю. Бондарева «Берег», конкретнее, во второй части «Безумие», события разворачиваются в еще агонизирующем Берлине и в одном из его пригородов, Кенигсдорфе, где бесполезное и бездумное сопротивление оставшихся в живых фашистов ведет к жертвам и с одной, и с другой стороны. Командиры победившей армии просят солдат не мародерствовать и не проявлять жестокости к простым обывателям — жителям городка. Офицеры, по возрасту еще очень молодые люди, понимают, что их приказы и просьбы исполнять бойцам непросто, ведь, несмотря на уже близкий конец войны, в памяти солдат еще свежи воспоминания о зверствах фашистов по отношению к населению захваченных территорий (*«Никитин слышал о чем-то страшном, детально неясном, что случилось в сорок первом с семьей Гранатунова в Смоленске...»* [26, с. 144]). К врагу у каждого бойца свои счеты, поэтому насилие и мародерство на захваченной территории некоторые из них, в частности сержант Меженин, считают не преступлением, а справедливым возмездием, священной мстостью врагу.

Фрейм-сценарий «встреча с врагом» у Бондарева, как и у Конзалика, включает несколько мотивов. Это мотивы убийства, мести, отчаяния побежденных и великодушия победителей.

Мотив убийства связан прежде всего с образами санинструктора Жени и лейтенанта Княжко. Фашисты пришли на чужую землю, чтобы убивать, и Женя погибла

в самом начале войны: «...она, беспомощно хватаясь за землю, сжатая душьем, не слышала живого человеческого голоса, по-прежнему сопротивляясь тому, что, невидимое, неумолимое, наваливалось, душило ее грудь» [26, с. 164]. В конце войны смерть настигла лейтенанта Княжко, который, пытаясь остановить сопротивление засевших в лесничестве немцев, идет к ним без оружия, что «было и бессмысленным риском, и выходом из безумия, которое тем же безумным шагом своего трезвого разума хотел прекратить Княжко...» [26, с. 209]. Он понимал, что безысходная ситуация и отчаяние побежденных обязательно приведут к гибели людей. Животные вопли запершихся в доме немцев-юнцов, их тонкие взвизгивания и слезы, ненавистный взгляд и шипящие слова проклятья бородатого немца в адрес победителей — «это был выплеск, бессмысленное действие разрушенной последней силы и последнего бессилия...» [26, с. 217]. Так мотив отчаяния побежденных вписывается во фрейм-сценарий «встреча с врагом».

Кульминационной точкой реализации мотива мести становятся действия Гранатурова в отношении пленных. Он «изо всей силы за плечо рванул к себе бородатого немца, волчком крутанул его, ставя лицом к своему лицу, и когда немец опять выхрипнул непонятную, захлебнувшуюся злобой фразу, увидел Никитин сухие и неподвижные глаза Галя, устремленные на толпу пленных. <...> — К черту его! К черту! Я разрешаю! На тот свет! Стреляй в него, стреляй! Стреляй, я тебе приказываю! За Княжко! За Княжко! Стреляй!..» [26, с. 217]. И когда Галя промахнулась, к немцу подскочил Меженин, «он с такой мстительной силой ткнул стволом автомата бородатого немца под ложечку, что тот завалился назад... Короткая очередь в упор отбросила немца метра на три... Вопль ужаса прокатился по толпе пленных, кто-то отчаянно зарыдал в голос: — Nein, nein, nein!..» [26, с. 218]. Никитин пытается остановить кровавое безумие и с горечью понимает, что в данный момент здесь не хватает Княжко с его непрекословной волей, и все-таки лейтенант грозит комбату трибуналом за расстрел пленных. Таким образом, реализуемый в романе мотив великодушия победителей к безоружному побежденному врагу тесно сплетается с другими мотивами заявленного фрейма-сценария.

В анализируемом мотивном комплексе мотив любви становится не менее важным, чем другие, а может быть, и наиболее значимым. Его формируют такие микромотивы, как боевое братство, воинский долг и взаимоотношения мужчины и женщины на войне.

Реализация микромотива боевого братства в романе связана с образом главного героя: «эти разные и близкие ему люди почему-то сейчас успокаивали его, вливали в душу растроганное и доброе согласие со всем их настоящим и прошлым, и невозможно было представить их другими людьми, усталыми, злыми, закопченными, которыми он командовал, ежедневно отвечая за жизнь каждого...» [26, с. 100–101]. Испытывая угрызения совести из-за того, что произошло между ним и молоденькой немкой, Никитин почти физически ощущает свое единение с бойцами и чувствует себя «среди своих, родственно связанный с ними всей судьбой, войной, всей жизнью...» [26, с. 175]. Воинский же долг для Никитина, как и для его бойцов, сродни понятию чести, а честь, как известно, нужно беречь, чтобы не стать предателем: «Он понимал, что с ним происходит что-то нереальное, отчаянное, похожее на предательство, на преступление, совершенное во сне, на недопустимое нарушение чего-то, будто он необдуманно переступает и переступил негласно запретную границу, которую в силу многих обстоятельств не имел права перейти» [26, с. 165]. Оба микромотива — боевого братства и воинского долга — в романе неотделимы друг от друга; они противопоставлены тре-

тѣму микромотиву в том отношении, что и автор, и персонажи, к которым он испытывает явную симпатию, — Никитин и Княжко, считают, что война не самое подходящее время для проявления нежных чувств. В прощальном письме Галине лейтенант Княжко пишет: *«Война есть война, и на войне не может быть никакой настоящей любви (какое странное и прекрасное слово!), а только видимость любви, пошлость, гадость... Прошу тебя понять все правильно»* [26, с. 228].

Возможно, по этой причине болью и горечью окрашены в романе отношения Никитина и Жени, Княжко и Гали, Гали и Гранатунова, Никитина и Эммы. Встреча персонажей Бондарева — Никитина и Эммы — происходит на враждебной для героя территории, где враг остается врагом, даже будучи поверженным. И Эмма тоже из стана врага, так что вольно или невольно, но ее образ ассоциируется у Вадима с теми, против кого он воюет. *«Она, немка, была там, во враждебном мире, который он не признавал, презирал, ненавидел и должен был ненавидеть, по которому он три года стрелял, испытывая неистовое счастье от одного вида охваченных дымом подбитых танков, она была в том мрачном, чужом, отвергаемом им мире, заставлявшем его после каждого боя хоронить своих солдат... Она была там, на другом берегу, за разверстой пропастью, а он был на этом берегу, залитом кровью, и ничто не давало ему права, ничто не позволяло ему хотя бы на минуту забыть все и перекинуть жердочку на ту опасную противоположную сторону, где было недавнее раннее утро, лавандовый запах ее вымытых волос, ее шершавые губы»* [26, с. 174–175]. Мотив любви, таким образом, вместе со всеми перечисленными мотивами вписывается в концепт враг.

Никитин мучительно ищет ответ на вопрос, не совершает ли он предательства, поддавшись любовному порыву и увлекшись немецкой девушкой. Как бы в оправдание произошедшего между ними Никитин пытается объяснить Эмме, что он рад был бы встретить такую девушку, но не здесь, в Кенигсдорфе, а в Москве, в России, и что, наверно, он любит ее. Но в момент расставания, замечает автор, Никитин вряд ли верил в то, что им с Эммой когда-нибудь суждено будет встретиться, и Вадим *«с остротой нарастающей боли отдавал себе отчет в том, что они теперь не увидятся никогда: их разделяли не только обстоятельства случайности, но нечто гораздо большее, непреодолимое, сложившееся независимо от них»* [26, с. 277].

Таким образом, анализ мотива любви между представителями враждующих сторон в произведениях Х.Г. Конзалика и Ю.В. Бондарева позволяет констатировать, что в комплексе выявленных фабульных мотивов он является ведущим. Несмотря на то, что романы «Штрафной батальон 999» и «Берег» принадлежат к разным национальным литературам, в них наблюдаются типологические схождения в реализации мотива любви в фреймовой структуре концепта враг.

Так, мужские персонажи произведений оказываются на вражеской территории. Авторы показывают, что в атмосфере военного безумия некоторые из них не воспринимаются представительницами противоположной стороны как враги. В условиях, казалось бы, не располагающих к проявлению обычных человеческих чувств, герои демонстрируют качества, за которые их можно не только уважать, но и испытывать к ним более глубокие чувства.

И Х.Г. Конзалик, и Ю.В. Бондарев отдавали себе отчет в том, что отношения их персонажей обречены: идеологические препоны, воздвигнутые перед героями каждой из противоборствующих сторон, были сильнее их чувств друг к другу. Поэтому писатели прибегли к известному в литературе приему: если хотя бы у одного из героев нет перспектив на будущее, он уходит из жизни (писатель «убивает» его).

Список литературы

Исследования

- 1 *Аскольдов (Алексеев) С.А.* Концепт и слово // Русская словесность. От теории к структуре текста: антология / под ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 267–279.
- 2 *Болдырев Н.Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. 480 с.
- 3 *Бочаров А.Г.* Время кристаллизации // Вопросы литературы. 1976. № 3. С. 29–57.
- 4 *Ван Дейк Т.А., Кинч В.* Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. 1988. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. С. 153–211.
- 5 *Демьянков В.З.* Фрейм // Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филологический факультет Московского государственного ун-та им. М.В. Ломоносова, 1996. С. 187–189.
- 6 *Жарина О.А.* «Концепт» vs «фрейм»: проблема дефиниции и соотношения понятий в современной когнитивной лингвистике // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 43–46.
- 7 *Журавлев С.И.* Идеино-нравственные проблемы и художественное своеобразие современной советской прозы о Великой Отечественной войне (Ю. Бондарев, В. Быков): дис. ... канд. филол. наук. М., 1977. 167 с.
- 8 *Колесов В.В.* Слово и дело: из истории русских слов. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2004. 701 с.
- 9 *Лейдерман Н.* Испытание на человечность: О жанровой доминанте романа Ю. Бондарева // Литературная учеба. 1979. № 1. С. 114–122.
- 10 *Лиханов А.* Неоднозначность глубины // Вопросы литературы. 1975. № 9. С. 58–63.
- 11 *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. 1993. № 1. С. 3–9.
- 12 *Лятифова Л.И.* Тема «войны» в творчестве Хайнца Гюнтера Конзалика // Человек и вселенная. 2018. № 3 (94). С. 21–25.
- 13 *Минский М.* Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 151 с.
- 14 *Овчаренко А.* На главном направлении // Литературная Россия. 1985. 1 марта. С. 4–5.
- 15 *Попова З.Д.* Когнитивная лингвистика. М.: АСТ; Восток-Запад, 2007. 314 с.
- 16 *Похаленков О.Е., Ковалева В.С.* Мотив «встречи с врагом» в фреймовой структуре концепта «враг» (на материале текстов отечественной военной прозы) // Вестник славянских культур. 2020. № 57. С. 131–138.
- 17 *Ташевский С.* О немецком опыте денацификации // Сибирь. Реалии. URL: <https://www.sibreal.org/a/vopros-o-vinovnosti-pisatel-sergey-tashevskiy-o-nemetskom-opyte-denatsifikatsii/31817650.html> (дата обращения: 05.05.2022).
- 18 *Филлмор Ч.* Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. Вып. XXIII. С. 52–92.
- 19 *Фролов Д.М.* «Восточный поход» глазами Э.М. Ремарка и Х.Г. Конзалика // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 3. С. 731–734.
- 20 *Шкурат Л.С.* Любовно-семейные коллизии в романе Ю.В. Бондарева «Берег» // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2014. № 12. С. 167–169.
- 21 *Andor J.* On the psychological relevance of frames // Quaderni di semantica, 1985. Vol. VI. № 2. P. 212–221.

- 22 *Bartlett F.S.* Remembering. Cambridge: Cambridge Mass., MIT Press, 1950. 332 p.
23 *Herbert U., Groeler O.* Zweierlei Bewältigung. Beiträge über den Umgang mit der NS-Vergangenheit. Hamburg: Ergebnisse Verlag GmbH, 1992. 240 S.
24 *Hudson D.* Frame semantics, frame linguistics, frame // Quaderni di semantica. 1986. Vol. VII. № 1. P. 85–101.
25 *Sargeant M.* Kitsch & Kunst: Presentations of a Lost War. Bern: P. Lang, 2005. 275 p.

Источники

- 26 *Бондарев Ю.В.* Берег. М.: Воениздат, 1992. 397 с.
27 *Конзалик Х.Г.* Штрафной батальон 999. М.: Яуза-Пресс, 2011 // Электронная библиотека RoyalLib.com. URL: https://royallib.com/book/konzalik_haynts/shtrafbat_999.html (дата обращения: 05.05.2022).

© 2024. **Valentina S. Kovaleva**
Smolensk, Russia

© 2024. **Oleg E. Pokhalenkov**
Kaluga, Russia

MOTIF OF LOVE IN THE FRAME STRUCTURE OF THE CONCEPT OF ENEMY (BASED ON THE NOVELS “THE SHORE” BY Y.V. BONDAREV AND “PENAL BATTALION 999” BY H.G. KONZALIK)

Abstract: The main purpose of the present paper is to provide a comparative analysis of the multilingual war prose by highlighting the motif of love in the frame structure of the concept of enemy. The relevance and scientific novelty are due to the fact that the comparative analysis is carried out by the example of texts of the works of two literatures: Yu.V. Bondarev's “The Coast” and H.G. Konzalik's “Penal battalion 999” and the theme itself — the Second World War. The authors start from the definition of Russian scientists (D.S. Likhachev), who considered the concept as a multi-level creation, in the structure of which several layers are distinguished. Proceeding from the position that frames in a work of fiction represent a complex of plot (narrative) motifs, the authors consider the implementation of the motif of love at the level of the motivic system and the system of characters. The study pays special attention to the associative and figurative layers of the concept. Such an integral approach made it possible to identify and explain typological cohesions in the realization of the love motif in the frame structure of the concept of enemy, which are observed regardless of belonging to a particular national literature. The researchers came to conclusion that in the absence of war danger leads the characters to mutual human sympathy between representatives of the warring parties, but the official ideology becomes an obstacle to the common future of the characters.

Keywords: Y. Bondarev, H.G. Konzalik, Motive-frame Structure, Concept, Motive of Love, Associative and Figurative Layers of the Concept, Frame Scenario.

Information about the authors:

Valentina S. Kovaleva — PhD in Philology, Assistant Professor, Smolensk State University, Przhevalskogo St. 4, 214000 Smolensk, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2643-0549>

E-mail: vaseko58@mail.ru

Oleg E. Pokhalenkov — PhD in Philology, Assistant Professor, Kaluga State University, Stepana Razina St. 26, 248023 Kaluga, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1573-2728>

E-mail: olegpokhalenkov@rambler.ru

Received: June 17, 2023

Approved after reviewing: November 13, 2023

Date of publication: March 25, 2024

For citation: Kovaleva, V.S., Pokhalenkov, O.E. “The Motif of Love in the Frame Structure of the Concept of Enemy (Based on the Novels ‘The Shore’ by Yu. V. Bondarev's and ‘Penal Battalion 999’ by H.G. Konzalik).” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 71, 2024, pp. 179–190. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-71-179-190>

References

- 1 Askol'dov (Alekseev), S.A. “Kontsept i slovo” [“Concept and Word”]. *Russkaia slovesnost'. Ot teorii k strukture teksta: antologiya* [Russian literature. From Theory to Text Structure: Anthology], ed. by V.P. Neroznaka. Moscow, Academia Publ., 1997, pp. 267–279. (In Russ.)
- 2 Boldyrev, N.N. “Iazyk i sistema znaniy” [“Language and Knowledge System”]. *Kognitivnaia teoriia iazyka* [Cognitive Theory of the Language]. Moscow, Izdatel'skii Dom IaSK Publ., 2018. 480 p. (In Russ.)
- 3 Bocharov, A.G. “Vremia kristallizatsii” [“Crystallization of Time”]. *Voprosy literatury*, vol. 3. 1976, pp. 29–57. (In Russ.)
- 4 Van Deik, T.A., Kinch, V. “Strategii ponimaniia sviaznogo teksta” [“Strategies for Understanding a Coherent Text”]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*, vol. 23: Kognitivnye aspekty iazyka [New in the Foreign Linguistics], 1988. pp. 153–211. (In Russ.)
- 5 Dem'iankov, V.Z. “Freim” [“Frame”]. *Kratkii slovar' kognitivnykh terminov* [A Short Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow, Faculty of Philology of The Lomonosov Moscow State University, 1996, pp. 187–189. (In Russ.)
- 6 Zharina, O.A. “‘Kontsept’ vs ‘freim’: problema definitsii i sootnosheniia poniatii v sovremennoi kognitivnoi lingvistike” [“‘Concept’ vs ‘Frame’: the Problem of Definition and Correlation of the Notions in Modern Cognitive Linguistics”]. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal*, vol. 6, no. 3 (20), 2017, pp. 43–46. (In Russ.)
- 7 Zhuravlev, S.I. *Ideino-nravstvennyye problemy i khudozhestvennoe svoeobrazie sovremennoi sovetskoi prozy o Velikoi Otechestvennoi voine (Iu. Bondarev, V. Bykov)* [Ideological and Moral Issues and Poetic Originality of Modern Soviet Prose about the Great Patriotic War (Y. Bondarev, V. Bykov): PhD Dissertation Thesis]. Moscow, 1977. 167 p. (In Russ.)
- 8 Kolesov, V.V. *Slovo i delo: iz istorii russkikh slov* [Word and Deed: from the History of Russian Words]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2004. 701 p. (In Russ.)
- 9 Leiderman, N. “Ispytanie na chelovechnost': O zhanrovoi dominante romana Iu. Bondareva” [“The Test on Humanity: On the Genre Dominant of Y. Bondarev's Novel”]. *Literaturnaia ucheba*, no. 1, 1979, pp. 114–122. (In Russ.)
- 10 Likhanov, A. “Neodnoznachnost' glubiny” [“Ambiguity of Depth”]. *Voprosy literatury*, vol. 9, 1975, pp. 58–63. (In Russ.)
- 11 Likhachev, D.S. “Kontseptosfera russkogo iazyka” [“The Concept Sphere of the

- Russian Language”]. *Izvestiia Rossiiskoi Akademii nauk. Series literatury i iazyka* [Literature and Language.], vol. 1, 1993, pp. 3–9. (In Russ.)
- 12 Liatifova, L.I. “Tema ‘voiny’ v tvorchestve Khaintsa Giuntera Konzalika” [“The Theme of ‘War’ in the Works of Heinz Gunther Konzalik”]. *Chelovek i vselelnaia*, vol. 3 (94), 2018, pp. 21–25. (In Russ.)
- 13 Minskii, M. *Freimy dlia predstavleniia znanii* [Frames in the Sphere of Language]. Moscow, Energiia Publ., 151 p. (In Russ.)
- 14 Ovcharenko, A. “Na glavnom napravlenii” [“On the Main Direction”]. *Literaturnaia Rossiia*, March 1, 1985, pp. 4–5. (In Russ.)
- 15 Popova, Z.D. *Kognitivnaia lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Moscow, AST; Vostok-Zapad Publ., 2007. 314 p. (In Russ.)
- 16 Pokhalenkov, O.E., Kovaleva, V.S. “Motiv ‘vstrechi s vragom’ v freimovoi strukture kontsepta ‘vrag’ (na materiale tekstov otechestvennoi voennoi prozy)” [“The Motif of ‘Meeting the Enemy’ in the Frame Structure of the Concept of ‘Enemy’ (Based on the Texts of Russian Military Prose)”]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 57, 2020, pp. 131–138. (In Russ.)
- 17 Tashevskii, S. O nemetskom opyte denatsifikatsii [On German Experience of Denazification]. *Sibir'. Realii* [Siberia. Realities]. Available at: <https://www.sibreal.org/a/vopros-o-vinovnosti-pisatel-sergey-tashevskiy-o-nemetskom-opytedenatsifikatsii/31817650.html> (Accessed 5 May 2022). (In Russ.)
- 18 Fillmor, Ch. “Freimy i semantika ponimaniia” [“Frames and Semantics of Understanding”]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in the Foreign Linguistics], vol. XXIII. Moscow, Progress Publ., 1988, pp. 52–92. (In Russ.)
- 19 Frolov, D.M. “‘Vostochnyi pokhod’ glazami E.M. Remarka i Kh.G. Konzalika” [“‘The Eastern Campaign’ through the Eyes of E.M. Remarque and H.G. Konzalik”]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, vol. 15, issue 3, 2022, pp. 731–734. (In Russ.)
- 20 Shkurat, L.S. “Liubovno-semeinye kollizii v romane Iu.V. Bondareva ‘Bereg’” [Love-family Collisions in the Novel by Y.V. Bondarev ‘The Shore’]. *Izvestiia Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, vol. 12, 2014, pp. 167–169.
- 21 Andor, József “On the Psychological Relevance of Frames.” *Quaderni di semantica*, vol. VI, no. 2, 1985, pp. 212–221. (In English).
- 22 Bartlett, Frederic Charles. *Remembering*. Cambridge, Cambridge Mass., MIT Press, 1950. 332 p. (In English)
- 23 Herbert, Ulrich, Groeler, Olaf Zweierlei. *Bewältigung. Beiträge über den Umgang mit der NS-Vergangenheit*. Hamburg, Ergebnisse Verlag GmbH Publ., 1992. 240 p. (In German)
- 24 Hudson, Dietrich. “Frame Semantics, Frame Linguistics, Frame.” *Quaderni di semantica*, vol. VII, no. 1, 1986, pp. 85–101. (In German)
- 25 Sargeant, Maggie. *Kitsch & Kunst: Presentations of a Lost War*. Bern, P. Lang Publ., 2005. 275 p. (In English)